

РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕМЕЦКОГО ПРАВА В ГОРОДАХ ЧЕХИИ И ЗАПАДНОЙ РУСИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ГАЛЯМИЧЕВ

The author of this article compares the historical development of towns in Bohemia and in Western Russia (Ukraine and Byelorussia). This article discovers the likeness and distinction of historical role by German right in this states. The general aim of this work – to definite the courses for research.

Key words: German right; town; Bohemia; Western Russia; Ukraine; Byelorussia.

Размышляя о перспективах диалога историков Чехии и России, следует, как нам представляется, обратить особое внимание на компаративистику. Целенаправленное сравнение событий и процессов чешской и русской истории способно, как нам представляется, пролить новый свет на многие страницы прошлого обеих стран. Наиболее перспективным видится при этом сравнительный анализ средневекового развития Чехии и России, в частности, история городов.

В настоящей статье предпринимается попытка самого общего сравнения двух вариантов урбанистического развития. Одной из задач видится при этом определение тематики дальнейших сравнительно-исторических исследований.

Характерная черта развития городов как в странах Центральной Европы, так и в землях Западной Руси – его отчётливое деление на два этапа. В первые столетия эпохи средневековья города в этих землях развивались на самобытной основе, однако затем и в том и в другом случае самобытные формы общественного строя уступили место новой политико-правовой и социокультурной модели городского строя, которая в своих основных чертах сложилась в XI–XII вв. в странах Западной Европы и в готовом виде пришла в славянские земли вместе с началом немецкой колонизации.

Эта модель базировалась на особом средневековом городском праве, которое сложилось на Западе в результате длительной борьбы городов против феодальных сеньоров. В славянских землях оно получило название «немецкого городского права» в силу того, что было принесено туда переселенцами из Германии.

Распространение западноевропейской модели городского строя на основе немецкого права было составной частью общего процесса глубокой трансформации общественного строя государств Центральной Европы (с XIII века) и Великого княжества Литовского (с середины XV века), который сопровождался проникновением и утверждением в этих странах правовых норм и обычаев, сформировавшихся ранее на Западе.

Раньше всего – с самого начала XIII века – эти процессы затронули самую западную часть славянского мира – Чехию. Продвигаясь всё дальше на восток, они продолжались до второй половины XVII века, когда они преодолели рубежи Русского государства, приступившего после Переяславской рады 1654 года к отвоеванию земель Киевской Руси.¹

¹ О предоставлении самоуправления на основе магдебургского права русским правительством городам Восточной Украины см. подробнее: ШВИДЬКО, А. К.: *Значение воссоединения Украины с Россией для экономического развития городов Левобережной Украины*. Днепропетровск 1985, с. 31–33.

Заслуживает быть отмеченной ещё одна черта сходства рассматриваемых процессов. Подобно тому, как в Чехии имело место проникновение норм немецкого городского права как в королевские, так и в панские города, два уровня городского самоуправления (для княжеских (королевских) и частновладельческих городов) на немецком праве присутствовали также в землях Великого княжества Литовского (Речи Посполитой).²

Таким образом, сравнение процессов распространения немецкого городского права в Чехии и в Западной Руси, обнаруживает их глубокое внутреннее родство. Однако говорить об их полном тождестве было бы неправомерно: наряду с чертами общности, в истории распространения немецкого городского права в чешских и восточнославянских землях присутствует и немало отличий.

Прежде всего бросается в глаза хронологическое несовпадение интересующих нас процессов. В Чехии новая для славянского мира модель городского строя прочно утвердилась уже в XIII веке. Она пришла в чешские земли вместе с живыми носителями немецкого городского права – колонистами-горожанами, которые частью пытались основать новые города («на зелёном дёрне»), частью селились в подградных агломерациях – торгово-ремесленных поселениях, выросших ещё в доколониционный период, в XI–XII вв. вокруг областных градов – военно-административных центров Чешского государства.³

В землях Западной Руси немецкое городское право распространяется со второй половины XV века, и, что очень важно отметить, не сопровождалось массовым переселением в восточнославянские города немецких колонистов.⁴ В связи с этим для Западной Руси практически не приходится говорить о характерном для Чехии⁵ и других стран Центральной Европы проникновении – наряду с политико-правовыми институтами – также и хозяйственно-культурной модели развития западноевропейского города.

Всё вышесказанное не вызывает сколько-нибудь заметных споров, поскольку представляет собой констатацию фактов и явлений. Что же касается оценочных суждений – в первую очередь по вопросу об исторической роли проникновения в славянские общества немецких правовых норм и порядков – то здесь мы имеем дело с очень широким разбросом мнений историков.

До середины XIX века в чешской историографии преобладали суждения о негативной роли немецкой колонизации и связанном с нею переносе в славянские земли институтов немецкого права. Последние, по мысли славянских историков, противоречили исконным обычаям и традициям славян, основанным на принципах равенства, свободы и демократии, и привели к искажению естественного пути развития славянских народов. Именно так трактовал вопрос об исторической роли немецкой колонизации и немецкого права в истории Чехии основоположник чешской исторической науки Ф. Палацкий.⁶

² См.: ГРИЦКЕВИЧ, А. П.: *Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв.* Минск 1975, с. 177–190.

³ Восточнославянским аналогом древнечешских подградных агломераций (подградий) являются посады городов Древней Руси.

⁴ Единственное исключение составляли города Галицкой Руси, куда немецкое право вместе с немецкими колонистами пришло ещё в XIII веке, во времена русских князей (См.: ПАШУТО, В. Т.: *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.* Москва 1950, с. 164), и ещё более упрочилось после захвата Галицких земель Казимиром III и их присоединения к Польскому королевству.

⁵ Следует при этом отметить вслед за Г. П. Мельниковым, что «нигде за пределами собственно немецких земель немецкий этнический элемент не участвовал столь интенсивно и результативно в формировании городского организма, как в Чехии» (МЕЛЬНИКОВ Г. П.: *Немцы в городах Чешского королевства (XIII–XV вв.)* In: *Город в средневековой цивилизации Западной Европы.* Том. I. Москва 1999, с. 243).

⁶ См.: PALACKÝ, F.: *Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě.* Díl II. Praha 1939, с. 3–15.

Если в чешской историографии подобного рода представления сошли на нет уже во второй половине XIX века,⁷ то применительно к истории восточнославянских земель сходные оценки и суждения продолжали господствовать вплоть до начала XX века.

В специальных трудах М. Ф. Владимирского-Буданова и В. Б. Антоновича⁸ обосновывался вывод о том, что пребывание городов Западной Руси в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой имело следствием глубокий упадок городов и городской жизни, поскольку под влиянием западноевропейских обычаев и традиций был разрушен уходящий в глубокую древность самобытный вечевой строй, который обеспечивал городам и горожанам надёжную защиту закона и позволял им оказывать влияние на решение важнейших вопросов государственной жизни. Проникновение магдебургского городского права в земли Западной Руси они рассматривали как составную часть процесса утверждения чуждого славянскому духу феодализма, в условиях которого города превратились в лёгкую добычу шляхты и местных чиновников. Та же мысль проводилась в работе видного русского историка-славянофила И. Д. Беляева *История Полоцка или Северо-Западной Руси от древнейших времён до Люблинской унии*. Автор полагал, что древний Полоцк утратил в литовскую эпоху былое величие вследствие стремления властей «подавить здесь всё русское», чему служило, в частности, и введение в Полоцке магдебургского права.⁹

Последствия введения магдебургского городского права оценивалось негативно и в трудах украинских историков, подчёркивавших самобытность развития украинских земель. Так, в книге М. Грушевского, одного из зачинателей украинской историографии, отмечалось: «*Эта реорганизация по немецкому праву производила коренной переворот в жизни города. [...] Для самого города исключение его из общеземской организации приводило лишь к самым печальным результатам. Обособленные, лишённые взаимной связи городские общины, за исключением нескольких наиболее сильных, попали в полную зависимость от старост и помещиков, и скоро от их независимости остался пустой звук. Таким же пустым звуком оказалось самоуправление, муниципальная свобода, так как всё, что оставалось свободным от вмешательства местной администрации (старост) или помещиков, оказывалось или во власти наследственного войта, или тесного кружка мецанских фамилий, державших в своих руках выборные должности.*»¹⁰ Подобного рода суждения об исторической роли немецкого права в городах Украины высказывались и столетие спустя.¹¹

В чём следует искать причины долговечности таких оценок? С одной стороны, свою роль сыграли, по нашему мнению, духовные традиции, особенности пройденного

⁷ Преодолению прежних представлений в особенности способствовало исследование Я. Челяковского, уделившего вопросам истории городского строя в чешских землях большое внимание: ČELAKOVSKÝ, J.: *Povšechné české dějiny právní*. Praha 1892, с. 28, 62–63, 150.

⁸ ВЛАДИМИРСКИЙ-БУДАНОВ, М. Ф.: *Немецкое право в Литве и Польше*. Санкт-Петербург 1868; АНТОНОВИЧ В. Б.: *Исследование о городах Юго-Западного края*. In: Антонович, В. Б.: *Монографии по истории Западной и Юго-Западной России*. Том. I. Киев 1885.

⁹ БЕЛЯЕВ, И. Д.: *История Полоцка или Северо-Западной Руси от древнейших времён до Люблинской унии*. Москва 1872, с. 154–155.

¹⁰ ГРУШЕВСКИЙ, М.: *Очерк истории украинского народа*. Киев 1990, с. 142–143.

¹¹ См.: ОТАМАНОВСКИЙ, В. Д.: *Развитие городского строя на Украине в XIV–XVIII вв. и магдебургское право*. Вопросы истории, 1958, No. 3, с. 131: «В противоположность украинскому самобытному городскому праву, пронизанному демократизмом, магдебургское право передавало административные и судебные функции изъятым из-под контроля городской общины учреждениям, члены которых избирались пожизненно или путём кооптации, то есть без участия общины, что практически всегда приводило в городах Речи Посполитой к олигархии.»

разными частями славянского мира исторического пути. Для восточнославянских земель – в отличие от чешского народа, ещё в X веке ставшего неотъемлемой составной частью западно-христианского мира – проникновение норм немецкого права выглядело одним из моментов их временного пребывания под властью западно-католических правителей, вслед за которым произошло воссоединение восточнославянских народов в рамках Российской империи под властью православного царя.

С другой стороны, реальные исторические последствия немецкой колонизации и сопутствующего ей проникновения в славянскую среду норм немецкого права были весьма различны. Если Чехия пережила в XIII–XIV вв. время небывалого хозяйственного и культурного расцвета, то для восточнославянских земель период XV–XVII вв. не поддаётся столь же однозначно высокой оценке, поскольку был отмечен чередой суровых испытаний, внутренними потрясениями, обострением социальных и национальных противоречий.¹²

Однако постепенно, начиная с первых десятилетий XX века происходит преодоление однозначно негативных оценок исторических последствий распространения немецкого городского права в восточнославянских землях, что было неразрывно связано с началом специального изучения социально-экономического развития городов Украины и Белоруссии.¹³

Обращение к материалу источников, остававшихся неизвестными историкам XIX – начала XX вв., привело исследователей нового поколения к выводу о том, что XVI – первая половина XVII вв. (время наибольших успехов процесса распространения немецкого права в городах Западной Руси) были периодом устойчивого экономического роста украинских и белорусских земель, в особенности городов.¹⁴

Размышления над причинами этого привели историков к мысли о том, что одним из факторов, благоприятствовавших развитию восточнославянских городов в XVI–XVII вв., было распространение норм немецкого права, обеспечившего благоприятные политико-правовые условия городского развития,¹⁵ хотя эта точка зрения пробивала себе дорогу с большим трудом и формулировалась с большой осторожностью.¹⁶ Причины этого следует, по-видимому, искать как в свойственном многим работам советского периода

¹² В этой связи представляется уместным привести точку зрения С. М. Соловьёва, не склонного к идеализации общественного строя древних славян и вообще противопоставлению славянской демократии и германского феодализма. Он не видел в распространении немецкого права в городах Западной Руси явления, оказавшего сколько-нибудь значительное воздействие на их развитие, и подчёркивал сходство жизненного уклада городов Западной и Восточной Руси. Говоря о событиях XVI века, он отмечал: «Что касается быта городов Западной Руси, то здесь продолжается прежнее явление, распри горожан с бурмистрами, радцами, воеводами, князьями, панамы и боярами, потому что, быть может, нигде в то время презрение власти и закона сильными людьми не доходило до такой степени, как в Польше и Литве» (СОЛОВЬЁВ, С. М.: *История России с древнейших времён*. Том VII. Изд. Соловьёв, С. М.: Сочинения. Кн. IV. Москва 1989, с. 56–57).

¹³ См., напр.: КЛИМЕНКО, Ф. В.: *Западно-русские цехи XVI–XVIII вв.* Киев 1914; ГРУШЕВСКИЙ, А. С.: *Города Великого княжества Литовского в XI–XVI вв. Их старина и борьба за старину.* Киев 1918.

¹⁴ См.: КОПЫССКИЙ, З. Ю.: *Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI–XVII вв.)*. Минск 1966; ШВИДЬКО, А. К.: *Социально-экономическое развитие городов Украины в XVI–XVIII вв.* Днепропетровск 1979; САС, П. М.: *Феодальные города Украины в конце XV–60-х годах XVI в.* Киев 1989.

¹⁵ См.: КОПЫССКИЙ, З. Ю.: *Магдебургское право в городах Белоруссии (конец XV – первая половина XVII в.)*. Советское славяноведение, 1972, № 5, с. 26–41; ШВИДЬКО, А. К.: *Социально-экономическое развитие городов Украины в XVI–XVIII вв.* Днепропетровск 1979, с. 60–62.

¹⁶ Она звучит более отчётливо в работе М. В. Довнар-Запольского (см.: ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ, М. В.: *Белорусское прошлое*. Киев 1909, с. 328–333), нежели в работах историков 1970-х годов (см.: КОПЫССКИЙ, З. Ю.: *Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XV – первой половине XVII в.* Минск 1978, с. 188).

принижении роли права в развитии общества, так и во влиянии жёсткого политического и идеологического противостояния СССР со странами Запада в годы «холодной войны».

При этом постепенно углублялись представления о причинах распространения немецкого городского права в западно-русских землях: если для В. О. Ключевского оно представлялось вынужденной мерой великокняжеской (королевской) власти, обусловленной желанием защитить от разорения городское население от безграничного произвола местных чиновников,¹⁷ то в работах историков советского времени подчёркивается мысль о том, что потребность в политико-правовом самоуправлении являлась объективным, закономерным явлением городского развития в условиях господства феодализма, который не являлся для восточнославянских земель наносным явлением, а имел глубокие местные корни. Распространение немецкого права объяснялось тем, что благодаря этому процесс оформления городского строя существенно ускорялся, обретая готовые, проверенные длительной практикой образцы городского самоуправления, суда, цеховой организации ремесла, аналогов которым не было в действовавшем в городах Украины и Белоруссии обычном праве. Авторы специальных исследований показывают жизненную необходимость перехода на самоуправление на основе немецкого права и выявляют следы борьбы жителей городов Западной Руси за приобретение прав самоуправления, перекликающуюся с коммунальным движением горожан средневековой Западной Европы.¹⁸

Таким образом, постепенно и в чешской,¹⁹ и в восточнославянской историографии утвердились представления о том, что распространение немецкого права не повлекло за собой коренного переворота общественных отношений в городах, а было связано с их поступательным развитием и имело в целом положительные исторические последствия. Убедительность этого вывода лишь возрастает, когда взгляд исследователя выходит за страноведческие рамки и принимает во внимание различные варианты развёртывания единого по своей природе процесса. В самом же его механизме присутствовали существенные различия и сравнительное изучение различных вариантов, на наш взгляд, способно пролить свет на такие закономерности и причинно-следственные связи, которые остаются незамеченными при страноведческом рассмотрении.

В чешских землях XIII века немецкое городское право стало важнейшим двигателем обновления всего общественного и государственного строя. Его проникновение (одновременно с которым в Чехию пришла сама идея писаного права) положило начало перестройке модели государственного строя, оформлению сословной структуры общества. Становление шляхты как сословия происходило в чешских землях с запозданием²⁰ и в значительной мере являлось реакцией на притязания консолидировавшегося на основе городского права в единое сословие немецкого патрициата городов превратиться в ведущую политическую силу в королевстве.²¹

¹⁷ См.: КЛЮЧЕВСКИЙ, В. О.: *Курс русской истории. Лекция XLV*. In: Ключевский, В. О.: *Сочинения*. Том. III. Москва 1988, с. 91–92.

¹⁸ См.: ШВИДЬКО, А. К. *Социально-экономическое развитие городов Украины в XVI–XVIII вв.* Днепропетровск 1979, с. 60; КОПЫССКИЙ, З. Ю.: *Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XV – первой половине XVII в.* Минск 1978, с. 79.

¹⁹ См. синтетические работы, обобщившие итоги специальных исследований многих десятилетий: HOFFMANN, F.: *České město ve středověku*. Praha 1992, s. 247–301; ŽEMLIČKA, J.: *Století posledních Přemyslovců*. Praha 1998, s. 108–149.

²⁰ См.: TŘEŠTÍK, D.: *Proměny české společnosti ve 13. století*. Folia historica Bohemica, 1979, s. 148–152.

²¹ Своей кульминации эти притязания достигли в годы борьбы за чешский престол, развернувшейся в 1306–1310 гг. после пресечения династии Пржемысловичей. См.: HAVRÁNEK, B. – DAÑHELKA, J. (ред.): *Nejstarší česká*

Что же касается восточнославянских земель Великого княжества Литовского, то здесь процесс перестройки общественного и государственного строя под влиянием западных образцов развернулся позже – после заключения Кревской унии 1385 года и проходил иным путём, первоначально не затронув города и их население. Он проявился прежде всего в предоставлении военно-служилой знати Великого княжества тех привилегий, которыми к тому времени пользовалась польская шляхта. Завершением этого процесса стало полное уравнивание в правах католической и православной шляхты привилегией, пожалованной Казимиром IV в 1447 г.

Приобретая шляхетские привилегии, дворяне Великого княжества Литовского получали права феодального иммунитета в границах своих земельных владений и административно-судебную власть над их населением.

Города оказывались вследствие этого в крайне невыгодном положении, оставаясь – в отличие от дворянского сословия – без каких-либо политико-правовых гарантий существования, и немецкое городское право оказалось оптимальным средством решения этой жизненно важной для горожан проблемы, защитив их от безграничного шляхетско-чиновничьего произвола и став основой консолидации городского населения в единое сословие – мещан (от польск. место – город).²²

При этом на практике, как в Чехии, так в западно-русских землях политико-правовая жизнь славянских городов выходила далеко за рамки норм и предписаний городских хартий городов Германии, впитывая в себя самобытные обычаи и традиции, выработанные жизнью славянского населения.

В связи с этим можно ответить на естественно возникающий вопрос о том, почему, в отличие от Чехии, куда немецкое право проникло в нескольких вариантах,²³ в городах Великого княжества Литовского безраздельно утвердилось магдебургское право?

Во-первых, свою роль сыграло влияние политико-правового строя Польского королевства, с которым Великое княжество с 1385 года находилось в личной унии.

Во-вторых, само магдебургское право распространялось в Польше не в форме кодифицированного свода правовых установлений, а в форме устного предания, что оставляло широкие возможности для насыщения его нормами обычного права, бытовавшего в городах Западной Руси до проникновения немецкого права.²⁴

Интересно отметить, что в Чехии и городах Украины и Белоруссии немецкое городское право ушло в прошлое в конце XVIII века в связи с процессами унификации политико-правового строя в ходе реформ «просвещённого абсолютизма», проводившихся в землях Австрийской монархии и Российской империи, в состав которой вошли украинские и белорусские земли после разделов Речи Посполитой.

Процесс упразднения городского самоуправления на магдебургском праве являлся закономерным и исторически прогрессивным явлением. Зародившись в условиях феодальной раздробленности и представляя собой форму приспособления города

rýtmovaná kronika tak řečeného Dalimila. Praha 1957, с. 163–164; EMLER, J. (ред.): *Fontes rerum Bohemicarum*. Том IV. Pragae 1884, с. 111–116.

²² См.: ДВОРНИЧЕНКО, А. Ю.: *Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности*. Санкт-Петербург 1993, с. 134–135.

²³ См. подробнее: HAAS, A.: *Právní oblasti českých měst*. Časopis Společnosti přátel starožitností českých, 1952, с. 15–24; HOFFMANN, F.: *K oblastem českých práv městských*. Studie o rukopisech, 1975, s. 27–67.

²⁴ КОПЫССКИЙ, З. Ю.: *Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XV – первой половине XVII в.* Минск 1978, с. 78–82; ГРИЦКЕВИЧ, А. П.: *Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв.* Минск 1975, с. 177–190; САС, П. М.: *Феодальные города Украины в конце XV–60-х годах XVI в.* Киев 1989, с. 173–187.

к условиям существования в феодальной среде, городское самоуправление не соответствовало потребностям развития европейских государств нового времени. Следует при этом отметить, что наиболее жизнеспособные установления немецкого городского права (связанные с вопросами правового регулирования внутригородской жизни) вошли в состав законодательных уложений абсолютистских государств. В частности, общепризнанным фактом является существенное влияние норм магдебургского права на содержание *Жалованной грамоты городам* Екатерины II.

Каковы же перспективы сравнительно-исторических исследований? Они представляются широкими. При компаративистском взгляде на проблематику немецкой восточной городской колонизации более отчётливо вырисовываются общие черты и закономерности этого явления в силу того, что каждая из испытывавших её земель отразила её по-своему. Важным обстоятельством, представляется то, что Западная Русь вступила в этот процесс в тот период, от которого сохранился гораздо более богатый фонд письменных источников, в том числе неопубликованных, который таит в себе возможности новых открытий.

Наиболее перспективными видятся конкретные сравнительно-исторические исследования, посвящённые тем или иным значимым явлениям городской истории (вопрос о становлении ремесленных цехов и цехового строя, о соотношении самобытных и заимствованных правовых традиций и институтов, о природе так называемых местных юрисдикций и т. п.)

Resumé

Rozšíření německého práva v městech Čech a západního Ruska: obecné a zvláštní

Autor článku srovnává historický vývoj měst v Čechách a západním Rusku (na Ukrajině a Bělorusku). Článek odhaluje podobnosti a odlišnosti historické úlohy německého práva v těchto zemích. Cílem práce je definovat předmět výzkumu.